

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ М.А. УСМАНОВА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРАВА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ XVI – НАЧАЛА XX ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Роман Юлианович Почекаев

НИУ – Высшая школа экономики, Санкт-Петербург

В обширном и многогранном научном наследии Миркасыма Абдулахатовича Усманова особое место занимают исследования по дипломатике – исследованию официальных актов Золотой Орды и постордынских ханств («Джучиева Улуса», как называл эти государства сам исследователь). М.А. Усманов, без сомнения, являлся одним из виднейших специалистов по этой тематике, в его работах рассмотрена историография восточной («джучидской») дипломатики [см., напр.: Усманов, 1975; Усманов, 1978], ее методология [Усманов, 1973; Усманов, 1979с; Усманов, 1991], источниковедческие аспекты [Усманов, 1976; Усманов, 1979b; Усманов, 1988]. Ну, и конечно, наиболее ценной работой является монография «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.» [Усманов, 1979a], которую автор одного из биографических очерков, посвященных М.А. Усманову, с полным основанием охарактеризовал как произведшую «фурор среди российских исследователей... ордынской тематики» [Халиуллин, 2010, с. 50].

Таким образом, М.А. Усманов занял совершенно уникальное место в истории изучения Золотой Орды и государств – ее преемников. Безусловно, он не был единственным, кто занимался этой тематикой. У него были и коллеги, в частности, А.П. Григорьев и, в какой-то степени, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.Г. Гузев и Т.И. Султанов, которых никоим образом нельзя вос-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322 при финансовой поддержке Научного фонда НИУ ВШЭ.

принимать как конкурентов, поскольку они не столько соревновались между собой на поле дипломатики, сколько дополняли и развивали наработки и выводы друг друга. Имеется у него также и группа последователей (как непосредственных учеников, так и продолжателей его исследований) – например, А. Мелек Озъетгин, Д.А. Мустафина, И.А. Мустакимов, Л.Ф. Абзалов.

Однако работы М.А. Усманова в сфере дипломатики имеют огромное значение не только для джучидоведения: его наработки в полной мере могут быть использованы и при анализе официальных актов других тюрко-монгольских государств, не имеющих прямого отношения к Золотой Орде и постордынским государствам. В частности, это в полной мере касается официальных актов тюрко-монгольских государств Центральной Азии, сформировавшихся в XVI–XVIII вв. на территории Чагатайского улуса. Как ни странно, до сих пор никаких попыток применить наработки М.А. Усманова для дипломатического анализа этих актов (как, впрочем, и самих попыток такого анализа) до сих пор практически не предпринималось.

А между тем использование методологии, разработанной М.А. Усмановым для джучидских государств, для ханств Средней Азии представляется вполне обоснованным, поскольку методы, применявшиеся исследователем, разработанные им классификация и инструментарий анализа носят универсальный характер. Следует отметить, что М.А. Усманов и сам обращал внимание на это и, в частности, в одной из своих поздних работ попытался распространить методику своих изысканий на центрально-азиатский регион, в частности, начав работу с документами позднесредневековой Кашгарии (Восточного Туркестана) [см.: Усманов, 2006]. Несомненно, интерес исследователя к документам именно этого государства в значительной степени объясняется его происхождением, поскольку М.А. Усманов сам родился в Кульдже, т.е. на территории Синьцзяна – бывшей Кашгарии. В любом случае малочисленность дошедших до нашего времени документов в сочетании с загруженностью самого М.А. Усманова не позволили ему развить это направление в своей научной деятельности.

Проблема с малочисленностью восточно-туркестанских источников поразительно сходна с проблемой исследования джучидских официальных актов: и от Золотой Орды, и от ее преемников (Казанского, Астраханского, Сибирского ханств) сохранилось буквально по несколько документов – исключение составляют, впрочем, Крымское ханство и до некоторой степени Ногайская Орда. Совершенно иначе обстоит дело с ханствами Средней Азии – Бухарским, Хивинским, Кокандским. В архивах сохранилось огромное число документов, публикация и исследование которых начались уже с последней четверти XIX в. – можно назвать, в частности, работы Н.Н. Пантусова [Пантусов, 1876a; Пантусов, 1876b; Пантусов, 1876c], П.М. Мелио-

ранского [Мелиоранский, 1906], Л.А. Зимина [Зимин, 1910; Zimin, 1911]. В советское время изучение среднеазиатских актов было продолжено, в частности, А.А. Семеновым [Семенов, 1929; Семенов, 1954], П.П. Ивановым [Иванов, 1937; Иванов, 1938; Иванов, 1940; Иванов, 1954], А.Л. Троицкой [Троицкая, 1955; Троицкая, 1957; Троицкая, 1968; Троицкая, 1969], А.А. Егани и О.Д. Чехович [Егани, 1975; Егани, Чехович, 1981; Егани, Чехович, 1982; Егани, Чехович, 1984; Егани, Чехович, 1987; Чехович, Вильданов, 1979], М.А. Абдураимовым [Абдураимов, 1961а; Абдураимов, 1961b], Б.А. Ахмедовым [см., напр.: Ахмедов, 1973; Ахмедов, 1985], Р. Набиевым [Набиев, 1959; Набиев, 1973], М.Ю. Юлдашевым [Юлдашев, 1951; Юлдашев, 1953; Юлдашев, 1960; Юлдашев, 1964, Юлдашев, 1968], А. Шайховой [Шайхова, 1984; Шайхова, 1988; Шайхова, 1989] и др. В постсоветское время среднеазиатские официальные акты становились предметом исследований ряда авторов – Ю.Э. Брегеля (начавшего изучение этих актов еще в советский период) [Брегель, 1960; Брегель, 1961; Брегель, 1963; Брегель, 2007] и его ученика У. Вуда [Wood, 2005], Э.Э. Каримова [Каримов, 2007; Каримов, 2008], коллектива под руководством А. Урунбаева [Каталог, 2001; Каталог, 2007], У.А. Абдурасулова [Абдурасулов, 2008; Абдурасулов, 2009а; Абдурасулов, 2009b].

Многочисленность и разнообразность сохранившихся документов Бухарского ханства (затем – эмирата), Хивинского и Кокандского ханств, как ни странно, также стали определенного рода проблемой для исследователей. До сих пор имеется насущная необходимость в систематизации и каталогизации огромного документального материала из архивов среднеазиатских республик. Поэтому ряд работ и др. представляет собой либо каталоги архивных фондов с краткими характеристиками документов (П.П. Иванов, А.Л. Троицкая), либо регесты тематических подборок актов (А.А. Егани и О.Д. Чехович, А. Урунбаев, Г. Джураева, С. Гуломов, Э.Э. Каримов). Публикации сборников документов, предпринятые П.П. Ивановым, М. Абдураимовым, О.Д. Чехович, Ю.Э. Брегелем, равно как и отдельные документы, опубликованные и прокомментированные теми же и другими вышеупомянутыми исследователями, представляют поэтому огромную ценность. При этом большинство авторов, как можно увидеть даже из названий их работ, содержащих публикации соответствующих официальных среднеазиатских актов, рассматривает их, прежде всего, как источник по политической или социально-экономической истории, в лучшем случае – по истории административного устройства или налогообложения соответствующих государств, в некоторых же случаях – даже как источник по исторической филологии.

Наработки М.А. Усманова применительно к этим актам позволяют не только исследовать их с точки зрения дипломатики, но и провести их

формально-юридический анализ. Такой междисциплинарный подход (сочетание дипломатики, источниковедения и исторического правоведения) позволит провести классификацию официальных среднеазиатских актов, восстановить их типовой формуляр и проследить преемственность практики делопроизводства, дипломатической переписки и правотворчества от ранних тюрко-монгольских государств. В рамках настоящего исследования мы не будем сосредотачиваться на таких типах документов, как дипломатические послания или чисто канцелярские документы, а остановим свое внимание на документах, имеющих правовое значение – прежде всего, на актах волеизъявления правителей среднеазиатских ханств XVI – начала XX вв.

Прежде всего, анализ формуляра этих документов позволяет сделать вывод, что он практически полностью идентичен структуре джучидских актов, подробно проанализированных и реконструированных М.А. Усмановым. Такую же структуру имели и более ранние акты Монгольской империи и чингизидских государств имперского типа, в отношении которых работу, аналогичную исследованиям М.А. Усманова, проделал А.П. Григорьев.

В самом деле, практически все документы, исходящие от носителей верховной власти в среднеазиатских государствах, имеют одинаковый набор элементов формуляра, который М.А. Усманов подробно описал в своей фундаментальной монографии о жалованных актах: инвокацию, интитуляцию, инскрипцию; соответственно, в основной части присутствует наррация (в терминологии М.А. Усманова – «вступительно-повествовательная часть»), диспозиция, санкция и, наконец, свидетельство об удостоверении и конечный протокол (дата и место выдачи, исполнитель оформления акта). Безусловно, в каждом конкретном случае какие-то элементы могли быть выпущены или выглядели не столь явно, как это показывал исследователь на примере джучидского актового материала. И, уж конечно, в содержательном отношении те или иные структурные элементы официального формуляра могли существенно различаться в зависимости от того, в каком государстве и в какую эпоху издавались, а также от того, с какой целью издавался тот или иной документ: указ-закон, жалованная грамота, судебное решение и т. д. Тем не менее в общем и целом, применяя наработки М.А. Усманова, можно убедиться в том, что среднеазиатские правители и XVI, и XVIII, и даже начала XX в. четко демонстрировали преемственность правовых (а вместе с тем и канцелярских) традиций, заложенных в Монгольской империи Чингиз-хана и его ближайших преемников и полностью сохраненной после распада империи и ее преемников имперского типа – Золотой Орды, государства ильханов в Иране, Чагатайского улуса, империи Юань в Китае.

Можно было бы сделать вывод, что после распада чингизидских государств имперского типа система права, созданная потомками Чингиз-хана,

пришла в упадок, и сохранение ими традиции издания ярлыков являлось всего лишь символом их принадлежности к «Золотому роду», дающей право на верховную власть (нередко номинальную, тогда как фактическая могла принадлежать наиболее влиятельным родоплеменным вождям, не принадлежащим к Чингизидам). Соответственно, издаваемые ими правовые акты могут восприниматься как имеющие чисто символическое значение и на деле не действовавшие. Но так ли это? Ответить на этот вопрос в значительной степени может помочь дипломатический и формально-юридический анализ сохранившихся ханских указов.

В современной науке прочно утвердилось мнение, что правовые отношения в среднеазиатских ханствах в рассматриваемый период базировались на нормах шариата, т. е. в этих государствах доминировало мусульманское право. Его, в частности, придерживается и Ю.Ф. Лунев – автор единственного (насколько нам известно) монографического исследования по истории государства и права именно среднеазиатских ханств [Лунев, 2004]. Однако это мнение может быть подкорректировано при условии тщательного формально-юридического анализа среднеазиатских нормативных актов. Во-первых, многочисленность актов волеизъявления и среднеазиатских монархов, и подчиненных им региональных правителей свидетельствует о том, что не только нормы шариата регламентировали правовую жизнь населения тюрко-монгольских государств Средней Азии. Стоит отметить, что практика активного правотворчества правителей, по-видимому, характерна и для других тюркских государств, в которых ислам являлся государственной религией – в частности Османской империи, в которой наряду с нормами шариата широко действовали и нормативные предписания султанов, в совокупности, составлявшие отдельную правовую систему «орфи», успешно сосуществовавшую с шариатом на протяжении столетий [см.: Айдын, 2006, с. 324–327]. Если же мы применим классификацию ханских ярлыков (а именно так именовались акты и верховных среднеазиатских правителей), разработанную М.А. Усмановым на основе анализа правовых документов Улуса Джучи [Усманов 1978а, с. 281; см. также: Усманов, 1979с, с. 243–244], то убедимся, что аналогичные типы ярлыков имели распространение и в среднеазиатских ханствах.

Во-первых, речь идет о ярлыках-законах, выражавших волю главы государства по наиболее значимым вопросам политической, экономической, военной жизни того или иного ханства. Безусловно, и в странах «классического ислама» светские правители обладали полномочиями по регулированию текущих вопросов административного и социально-экономического характера, однако такие решения строились в полном соответствии с принципами и нормами шариата, а порой содержали и прямые отсылки к ним.

Правители же тюрко-монгольских государств нередко принимали решения, которые могли не только лежать за пределами регулирования мусульманского права, но также и противоречить им – если считали, что подобные решения в определенных условиях окажутся целесообразными. При этом наиболее трезвомыслящие среднеазиатские ханы все же старались находить компромисс между выражением собственной воли и соблюдением (по меньшей мере внешним) принципов мусульманского права. Ярлыки ханов среднеазиатских государств в этом отношении дают немалые возможности анализа подобного подхода.

Особое место занимают в системе правовых актов среднеазиатских ханств акты, регулирующие налоговую сферу – как вводящие новые налоги (или изменяющие ставку существующих), так и предоставляющие налоговый иммунитет тем или иным конкретным подданным, категориям, населенным пунктам и пр. На наш взгляд, именно в налоговой сфере наиболее ярко проявилась сравнительно независимая позиция светских властителей тюрко-монгольских государств от мусульманского духовенства и норм мусульманского права. Своей волей ханы могли вводить новые налоги и сборы, большинство из которых не было предусмотрено шариатом (как известно, в исламе существует сравнительно небольшой и исчерпывающий перечень налогов и сборов). Кроме того, благодаря своей принадлежности (по женской линии) к сословиям сейидов и ходжей, властители среднеазиатских ханств получили законную возможность контролировать сбор и традиционных мусульманских налогов в собственную казну, что существенно меняло первоначальную цель существования соответствующего налога. Характерным примером является трансформация одного из основных налогов – закята, который изначально задумывался как милостыня в пользу неимущих, однако в среднеазиатских ханствах фактически превратился в торговый налог, взимавшийся в ханскую казну в виде определенного процента со стоимости товаров или производимой ремесленной и сельскохозяйственной продукции. Более того, сравнительный анализ ханских ярлыков разных исторических периодов позволяет выяснить, что некоторые мусульманские налоги *de-facto* заменяли прежние налоги, введенные потомками Чингиз-хана в государствах, возникших после распада Монгольской империи. Так, просматриваются вполне четкие параллели между монгольским имперским налогом – «тамгой» и вышеупомянутым закятом: мусульманское духовенство в течение нескольких столетий упорно боролось со светскими правителями чингизидских и постчингизидских государств за отмену тамги, и ханам пришлось найти компромисс в виде фактического замещения монгольского налога мусульманским закятом, что и обеспечило его трансформацию, о которой говорилось выше. При этом последние по времени известные ученым

тарханные или суюргальные ярлыки относятся уже к концу XIX – началу XX вв. [см., например: Абдураимов, 1961b].

То же самое касалось и регулирования земельных отношений: в своей земельно-правовой политике среднеазиатские ханы, внешне сохраняя и поддерживая формы землевладения и землепользования, предусмотренные шариатом, фактически действовали в собственных интересах, приумножая личное и семейное благосостояние. Еще во второй половине XIX в. кокандский Худояр-хан хан или хивинский Сейид-Мухаммад-Рахим-хан своими ярлыками могли изменить статус землевладения с целью их захвата в свою собственность [см., например: Иванов, 1937, с. 50; Троицкая, 1969, с. 7].

О значении же ярлыков, содержащих судебные решения ханов, в частности, свидетельствует такой интересный факт, что несколько ярлыков хивинских ханов оказались включены в списки казийских решений по вопросам землевладения и налоговых льгот [см.: Каталог, 2001, с. 43–44]. Таким образом, даже при принятии решений на основе шариата судьи-кази учитывали в качестве источника права волю государя, а не только нормы мусульманского права. Не стоит забывать также и о статусе ханов как высшей судебной инстанции, а также о судебных полномочиях ряда высших сановников и наместников в отдельных регионах, что отражает прежнюю имперскую традицию «светского» суда, осуществляемого представителями власти, компетенция которых базировалась исключительно на воле монархов. Соответственно, еще одним интересным направлением изучения среднеазиатских актов является выявление формул, с помощью которых ханы, позиционировавшие себя как ревнители и защитники ислама и шариата, обосновывали свое право принимать решение в обход принципов мусульманского права, присваивать себе полномочия, которыми в соответствии с исламской традицией обладало только высшее мусульманское духовенство и т. д.

Регламентация таких значимых сфер правоотношений, как земельная, налоговая, административная, именно посредством ханских ярлыков, на наш взгляд, свидетельствует о том, что акты ханского волеизъявления играли далеко не чисто символическую роль в системе права среднеазиатских ханств. И можно сделать вывод, что наряду с шариатом, официально признанным в качестве основной правовой системы на общегосударственном уровне, обычным правом, действовавшим в масштабе отдельных селений и родоплеменных подразделений, в среднеазиатских ханствах широко действовало и «ханское» (или «чингизидское») право, источниками которого служили ярлыки монархов, издававшиеся по тем же предметам ведения и в соответствии с теми же правилами оформления, которые действовали как в Монгольской империи (как установлено А.П. Григорьевым), так и в Золотой Орде и государствах – ее преемниках (как установлено

М.А. Усмановым), на что нами уже отчасти обращалось внимание ранее [см.: Почекаев, 2010; Почекаев, 2012].

Причем это право имело настолько прочную основу, что его действие продолжилось даже после того, как среднеазиатские ханства были вынуждены признать протекторат Российской империи в последней трети XIX в., и в Бухарском и Хивинском ханстве (точно так же, как и в Казахстане после его вхождения в состав Российской империи) наряду с традиционными местными правовыми системами стало действовать и российское право.

В результате в 1870–1910-е гг. в среднеазиатских ханствах складывалась весьма интересная с историко-правовой точки зрения ситуация в сфере правового развития. Поскольку юридически Российская империя не являлась государством-созеренном Бухарского эмирата и Хивинского ханства, официально по-прежнему считавшихся независимыми, она не имела формального основания распространять на их территории свои правовые предписания. Поэтому, когда российские власти фактически указывали своим среднеазиатским вассалам, какие правовые действия в своих государствах они должны были предпринять, они создавали видимость, что инициатива совершения этих действий исходит от самих монархов Бухары и Хивы, издававших по этому поводу свои указы. Таким образом, даже российская правовая политика в государствах Средней Азии реализовывалась посредством издания ярлыков – в соответствии с формуляром, установленным еще в эпоху Монгольской империи и Золотой Орды и сохранившихся вплоть до 1920 г., когда Бухарский эмират и Хивинское ханство прекратили свое существование. Именно посредством таких документов, например, Бухара и Хива были включены в российскую таможенную черту [см.: Жуковский, 1915, с. 195–196; см. также: Ниязатов, 2010, с. 221–222; Тухтаметов, 1966, с. 57; Тухтаметов, 1969, с. 47–48]. Более того, даже манифесты, которыми новые бухарский эмир Сейид Алим-хан и хивинский хан Исфандияр в 1910 г. провозгласили в своих государствах начало реформаторской деятельности по европейскому образцу, по форме и содержанию представляли собой классические указы-ярлыки [см.: ЦГА РУз; Ниязатов, 2010, с. 68–69], фактически олицетворяя традиционность и даже консерватизм издававших их правителей!

Наконец, методику, разработанную М.А. Усмановым можно (хотя и с определенными оговорками) применить к еще одной группе документов, которая также может быть отнесена к актовым материалам. Речь идет о документах, которые представляли собой не выражение воли правителей и других представителей власти, а разного рода прошения, челобитные, исковые заявления, т. е. исходили не от властей, а, напротив, адресовались им. Несомненно, они также составлялись в соответствии с определенным

формуляром, который, конечно же, существенно отличался от формуляра ярлыков и других актов, издававшихся властями разного уровня. Насколько нам известно, дипломатический анализ таких документов до сих пор не проводился, однако, полагаем, что наработки М.А. Усманова могут быть взяты в качестве методологической основы для его проведения. И задачи изучения таких актов в полной мере соотносятся с задачами изучения актов властных структур: соотношение элементов различных правовых систем, юридическое обоснование предъявляемых прав или высказываемых претензий, рецепция иностранных правовых традиций и пр.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что настоящая работа является, по сути, постановкой проблемы, и в дальнейшем автор намерен более подробно рассмотреть различные ее аспекты, обозначенные выше на конкретных многочисленных примерах. При этом сравнение позднесредневековых официальных среднеазиатских документов с более ранними актами (в т. ч. и подробно исследованными самим М.А. Усмановым) позволит выявить степень влияния других правовых систем на ханское законодательство, инкорпорацию обычно-правовых, мусульманских, российских норм в акты ханского волеизъявления. Таким образом, как представляется, методика формального исследования нормативно-правовых актов (наряду с прочими официальными документами), разработанная М.А. Усмановым и его коллегами по дипломатике, является весьма полезным и перспективным инструментом для изучения особенностей правового развития ханств Средней Азии XVI – начала XX вв.

Литература

Bregel Yu. Documents from the khanate of Khiva (17th–19th centuries) / Yu. Bregel // Papers on Inner Asia. Subseries: Central Asia. – No. 40. – Bloomington. – 2007.

Wood W. A collection of tarkhan yarliqs from the Khanate of Khiva / W. Wood // Papers on Inner Asia. – No. 38. – Bloomington. – 2005.

Zimin L. Enquetes sur les Vaqoufs du Turkestan / L. Zimin // Revue du monde musulman. – Т. XIII. – Paris. – 1911. – P. 276–311.

Абдураимов М. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. Опыт краткого исследования источника / М. Абдураимов. – Ташкент, 1961а.

Абдураимов М. Позднейшие упоминания о сойюргале / М. Абдураимов // Общественные науки в Узбекистане. – № 2. – 1961b. – С. 40–46.

Абдурасулов У.А. Земельные отношения в Хивинском ханстве во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: автореф. ... канд. ист. наук / У.А. Абдурасулов. – Ташкент, 2008.

Абдурасулов У.А. Вакфы Ташкента и их социальное пространство (на основе архивных материалов конца XIX – начала XX вв.) / У.А. Абдурасулов // Социальная

жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы Международной конференции (Ташкент, 12–13 сентября 2008 г.). – Ташкент, 2009а. – С. 86–89.

Абдурасулов У.А. К вопросу о безусловном частном землевладении в Хивинском ханстве XVIII–XIX вв. / У.А. Абдурасулов // Ташкент шахрининг 2200 йиллик юбилейига бағишланади. – Ташкент, 2009б. – С. 113–118.

Айдын М.А. Право в Османском государстве / М.А. Айдын // История Османского государства, общества и цивилизации. – М., 2006. – С. 324–327.

Ахмедов Б.А. Безымянный документ о торговых и политических связях Балхского ханства с Россией / Б.А. Ахмедов // Общественные науки в Узбекистане. – № 5. – 1973. – С. 48–49.

Ахмедов Б.А. Роль джуйбарских ходжей в общественной жизни Средней Азии XVI–XVII веков / Б.А. Ахмедов // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма (Бартольдские чтения). – М., 1985. – С. 16–31.

Брегель Ю.Э. Документ по истории туркмен из архива хивинских ханов / Ю.Э. Брегель // Проблемы востоковедения. – № 1. – 1960. – С. 169–172.

Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX в. / Ю.Э. Брегель. – М., 1961.

Брегель Ю.Э. Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков / Ю.Э. Брегель. – М., 1963.

Егани А. Ярлык султана Махмуда Тимурида (1494 г.) / А. Егани // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. – № 3 (81). – 1975. – С. 73–79.

Егани А.А. Регесты среднеазиатских актов (с фотовоспроизведением публикуемых впервые) / А.А. Егани, О.Д. Чехович // Письменные памятники Востока. 1974. Историко-филологические исследования. – М., 1981. – С. 47–57.

Егани А.А. Регесты среднеазиатских актов (с фотовоспроизведением публикуемых впервые) / А.А. Егани, О.Д. Чехович // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1975. – М., 1982. – С. 34–51.

Егани А.А. Регесты среднеазиатских актов (с фотовоспроизведением публикуемых впервые) / А.А. Егани, О.Д. Чехович // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1976–1977. – М. 1984. – С. 105–110.

Егани А.А. Регесты среднеазиатских актов (с фотовоспроизведением публикуемых впервые) / А.А. Егани, О.Д. Чехович // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1978–1979. – М., 1987. – С. 57–63.

Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие / С.В. Жуковский. – Пг., 1915.

Зимин Л.А. Вакуфные документы / Л.А. Зимин // Туркестанские ведомости. – 1910. – 19 декабря.

Иванов П.П. «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана хивинского (1856–1865) / П.П. Иванов // Записки Института востоковедения АН СССР. – Т. VI. – С. 27–59.

Иванов П.П. Архив хивинских ханов. Новые источники для истории Средней Азии XIX в. / П.П. Иванов // Записки Института востоковедения АН СССР. – Т. VII. – С. 5–26.

Иванов П.П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии / П.П. Иванов. – Л., 1940.

Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов // П.П. Иванов. М.-Л., 1954.

Каримов Э.Э. Регесты казийских документов и ханских ярлыков Хивинского ханства XVII – начала XX в. / Э.Э. Каримов. – Ташкент, 2007.

Каримов Э.Э. Институты казиев как компонент мусульманской административной элиты Средней Азии / Э.Э. Каримов // Россия–Узбекистан: история и современность (ч. IV): ЕвроАзия. – № 7. – 2008. – С. 14–22.

Каталог среднеазиатских жалованных грамот из фонда Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН Республики Узбекистан / сост. А. Урунбаев, Г. Джурраева, С. Гуломов. – Halle, 2007.

Каталог хивинских казийских документов XIX – начала XX вв. / сост. А. Урунбаев, Т. Хорикава, Г. Джурраева, К. Исогай. – Ташкент; Киото, 2001.

Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века / Ю.Ф. Лунев. – М., 2004.

Мелиоранский П. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха / П. Мелиоранский // Записки Русского Императорского археологического общества. – Т. 16. 1904–1905. – Вып. I. – СПб. 1906. – С. 01–012.

Набиев Р.Н. Новые документальные материалы к изучению феодального института «суюргал» в Фергане XVI–XVII вв. / Р.Н. Набиев // Известия АН УзССР. Серия общественных наук. – № 3. – 1959. – С. 23–31.

Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (феодальное хозяйство Худояр-хана) / Р.Н. Набиев. – Ташкент, 1973.

Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. / М. Ниязатов. – СПб., 2010.

Пантусов Н.Н. Архив Кокандского хана / Н.Н. Пантусов // Туркестанские ведомости. – № 12. – 1876а.

Пантусов Н.Н. О податях и повинностях, существовавших в б. Кокандском ханстве в последнее время Худояр-хана / Н.Н. Пантусов // Туркестанские ведомости. – № 16. – 1876b.

Пантусов Н.Н. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве / Н.Н. Пантусов // Туркестанские ведомости. – № 80. – 1876с.

Почекаев Р.Ю. Ханские ярлыки в тюрко-монгольских государствах XV–XIX вв. / Р.Ю. Почекаев // Средневековые тюрко-татарские государства. – Вып. 2. – Казань, 2010. – С. 65–70.

Почекаев Р.Ю. О соотношении «чингизидского» и «мусульманского» права в ханствах Средней Азии XVI – начала XX в.в. (к постановке проблемы) / Р.Ю. Почекаев // Иран-наме. – № 4 (24). – 2012. – С. 278–289.

Семенов А.А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства / А.А. Семенов // Труды Средне-Азиатского Государственного Университета. – Серия II. Orientalia. – Вып. 1. – Ташкент, 1929.

Семенов А.А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени / А.А. Семенов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. – Вып. II. – Сталинабад, 1954.

Троицкая А.Л. «Заповедники»-курук кокандского хана Худояра / А.Л. Троицкая // Сборник Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. – Т. III. – Л. 1955. – С. 122–156.

Троицкая А.Л. Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор / А.Л. Троицкая // Труды государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. – Т. 2 (5). – Восточный сборник. – Л., 1957. – С. 185–209.

Троицкая А.Л. Каталог архива кокандских ханов XIX века / А.Л. Троицкая. – М., 1968.

Троицкая А.Л. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. По документам архива кокандских ханов / А.Л. Троицкая. – М., 1969.

Тухтаметов Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX в. Победа Бухарской народной революции / Т.Г. Тухтаметов. – Ташкент, 1966.

Тухтаметов Т.Г. Россия и Хива в конце XIX – начале XX в. Победа Хорезмской народной революции / Т.Г. Тухтаметов. – М., 1969.

Усманов М.А. Актуальность комплексного изучения актовых источников Джучиева Улуса XIV–XVI вв. / М.А. Усманов // Южноуральский археографический сборник. – Уфа, 1973. – С. 151–159.

Усманов М.А. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение / М.А. Усманов // Археографический ежегодник за 1974 г. – М., 1975. – С. 117–135.

Усманов М.А. О средневековых турецких списках джучидских ярлыков XIV–XVI вв. / М.А. Усманов // История и филология Турции. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1976. – С. 46–47.

Усманов М.А. А.Н. Самойлович и изучение актовых источников Джучиева Улуса / М.А. Усманов // Тюркологический сборник. 1974. – М., 1978. – С. 256–262.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. / М.А. Усманов. – Казань, 1979а.

Усманов М.А. О новых ярлыках ханств Джучиева Улуса XIV–XVI вв. / М.А. Усманов // Археографический ежегодник за 1978 год. – М., 1979b.

Усманов М.А. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса / М.А. Усманов // Актовое источниковедение. – М. 1979с. – С. 218–244.

Усманов М.А. К истории Джучидо-Османской дипломатической документации / М.А. Усманов // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. – М., 1988. – С. 127–134.

Усманов М.А. Некоторые вопросы источниковедческой критики документальных памятников / М.А. Усманов // О подлинности и достоверности исторического источника. – Казань, 1991. – С. 3–24.

Усманов М.А. О ханских ярлыках из Турфана / М.А. Усманов // *Turcica et Ottomanica*: сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. – М., 2006. – С. 92–100.

Халиуллин Ю. Путь к вершинам науки / Ю. Халиуллин; сост. Д.А. Мустафина, М.С. Гатин; ред. И.А. Гилязов // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: В честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. – Казань, 2010. – С. 46–57.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1, Канцелярия туркестанского генерал-губернатора, оп. 2, д. 715/49, № 878, сскр. 12/IX/94 г. Копия. Электронная версия с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel): zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de.

Чехович О.Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве / О.Д. Чехович. – Вып. 1. Акты феодальной собственности на землю XVII–XIX вв. – Ташкент, 1954.

Чехович О.Д. Бухарские поземельные акты XVI–XIX вв. / О.Д. Чехович // Проблемы источниковедения. – IV. – М., 1955. – С. 223–242.

Чехович О.Д. О размере хараджа в Бухаре XIX века / О.Д. Чехович // Общественные науки в Узбекистане. – № 3. – 1961. – С. 38–44.

Чехович О.Д. Самаркандские документы XV–XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане) / О.Д. Чехович. – М., 1974.

Чехович О.Д. Вакф Субхан-Кули-хана бухарского 1693 г. / О.Д. Чехович, А.Б. Вильданова // Письменные памятники Востока. – 1973. – М., 1979. – С. 213–233.

Шайхова А. О формах и роли ростовщичества в Хивинском ханстве конца XIX века (По документам из собрания ИВ АН УзССР) / А. Шайхова // Общественные науки в Узбекистане. – № 5. – 1984. – С. 37–41.

Шайхова А. Новые документы об образовании мулков хивинских ханов / А. Шайхова // Общественные науки в Узбекистане. – № 11. – 1988. – С. 44–47.

Шайхова А. Юридические документы как источник по истории социально-экономических (преимущественно аграрных) отношений в Хивинском ханстве в XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / А. Шайхова. – Ташкент, 1989.

Юлдашев М.Ю. Новые архивные источники по истории средней Азии / М.Ю. Юлдашев // Краткие сообщения института народов Азии. – Т. 1. – 1951. – С. 35–41.

Юлдашев М.Ю. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы XIX века в свете материалов архива хивинских ханов: автореф. ... докт. ист. наук / М.Ю. Юлдашев. – Л., 1953.

Юлдашев М.Ю. Расшифровка 34-го дафтара из архива хивинских ханов (к вопросу о земельных отношениях в Хиве XIX в.) / М.Ю. Юлдашев // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. – М., 1960 (отд. оттиск).

Юлдашев М.Ю. К истории крестьянского землевладения в Средней Азии / М.Ю. Юлдашев // Общественные науки в Узбекистане. – № 7. – 1964. – С. 42–44.

Юлдашев М.Ю. Интересный документ по истории Хивинского крестьянства XIX века / М.Ю. Юлдашев // Общественные науки в Узбекистане. – № 1. – 1968. – С. 28–30.